

КАЛИНИНГРАДСКАЯ РАБОЧАЯ ГРУППА "93 IN 39"
КЛУБ ПОЭЗИИ И АВТОРСКОЙ ПЕСНИ "АДЕЛАИДА"
И БРАТСТВО ПО ВОДЕ (АЛЬТЕРЫ ЛАЛАНГАМЕНЫ)

ПРЕДСТАВЛЯЮТ

А

А

А

А

И

Г

А

М

Е

И

А

литературный

альманах

народа Звезды

Вып. 27. МАЙК ЧЁРНЫЙ

Литературный альманах Народа Звезды

ДАДАНГАМЕНА

Вып. 27.

*Антология материалов 2002-2006 года
с корректурой и добавлениями.*

*Копирование и распространение всего журнала и его отдельных материалов
разрешено и приветствуется при условии ссылки на автора материала
и указания электронного адреса журнала (<http://apokrif93.a-z-o-t.com>).*

Сopyright:

- © Клуб поэзии и авторской песни
«Аделаида», 2002-2006;
- © Братство по Воде, 2002-2006;
- © Калининградская рабочая группа
«93 in 39», 2012;

а также авторы журнала:

Майк Чёрный

Algidus

(рисунок на обложке)

Редактор, корректор, верстальщик:
Fr. Nyarlathotep Otis.
236000 Калининград,
ул. Нарвская 17, 11.
<http://alther.narod.ru>
<http://apokrif93.a-z-o-t.com>
E-mail: 93in39@gmail.com

Данк Кёрнью

Где нежность кроется под сталью —
Там посох твой засёкся волошбой.
Стройны твои безумные метанья,
В скитаньях дерзких мудрости покой.

Столетний, юный, эхо, голос века,
Паук на паутине слов — поэт!
Я выражу тебе признание смехом —
В полёте стерха твой полёт воспет;

Я выражу тебе любовь поклоном —
В прыжке тигрином вся моя любовь;
Я выражу тебе слезами верность —
Слезами юных трав твой взор суров!

Я лунным волком бой приму от волка —
Мы полземли спалим тогда огнём!
А лучше станем, брат, плечом к плечу —
И громко
    долину
        волчьим рыком
            сотрясём!

Барабанщик Лико

Лико,
стучи!
Лико,
шуми!

Краской
покрылись
железные
ставни.

Ноги
колечком
плавно
свернулись.

Что же вы
лечите,
доктор,
здоровых?!

Что ж вы —
как мыши,
попрятались
в вёдра?!

Лико,
стучи!
Лико,
шуми!

Запросто
новых
найдёте
полковников —

Можете
сжечь
целлулоид
иконы.

Попробуйте
борщ
разлить
без половников —

Смотрите,
чтоб ком
не застрял
между ног!

Лико,
стучи!
Лико,
шуми!

Кто ж
застрелил
Маяковского —
моли? —

Моли
смогли
лишь сожрать
его туфли!

Где-то
вы прячетесь,
твари,
скотины,

Мрази,
фуфло,
многоцветные
серники!

Лико,
стучи!
Лико,
шуми!

Рыком
разбросаны
по
эстакаде

(На
эскалаторе
не было
места).

Что же,
посмотрим,
кто будет
смеяться,

Если
с Булгакова
снимут
присоски
(и юбки!)

Лико,
стучи!
Лико,
шуми!
Лико,
м
о
ч
и
!

Будда

Что тебе палки
в колёса,
Обруч на шее;
Что тебе росы
утра,
гор туманы;
Что тебе Солнца
капризы,
вихри Сатурна;
Что тебе,
сидя над пропастью,
Небо?..

Вера

Вера!
Верую строки просятся!
Некуда —
Груз на запястье кольчатый.
Не во что!
Только костёр под звёздами.
Ангелы —
Искры над пламенем носятся.
Трепетно
Щепы рукою сложены.
Волосы
Копотью горькой сладостны.
Пальцами
Волосы тихо гладимы.
Верую!
Стала ты верою воину!

Верховный грех

...Тридцать три
богатыря
Носом крутили
по ветру.
Гетру
закатав
по груди,
Двинулись
под возгласы «Ура!»
Ломались ветки,
Гибли сосны,
И стены рушились
со страшным диким воплем.
Зауныванья
шторма,
Подёрнутые скальпы,
Всё полыхало,
Гноем наливаясь,
Взрываясь,
как Высоцкого аккорды:
Топтали почву
Тридцать три
богатыря.
Вдруг
Колыхнулись
ноздри:
Учуяли
богатыри
врага.
Рытьём окопов
забивая мозги,
Не думали
о мире —
Лишь Война.
И полетели пеплы,
Разом вспыхнули глаза, —
Кошачьими узорами
Покрылась вся земля,
И били все,
И били всех,

И гной
прорвался
из-под кожи,
И ножи-

КОМ

Пропели соловьи...
Убили все,
убили всех...
На поле не осталось
ни души, —
Как вдруг
Сияньем поле озарилось.
На сверхпрекрасной
колеснице
Господь спустился
посмотреть.
Он отшатнулся,
Колебнулся,
Проблевался,
Упал на голени
И начал горевать.
«О, дети!
О, свиньи!
О, бляди!
О, твари!
Забыли вы —
ПОД БОГОМ ВСЕ ЕДИНЫ!!!
Вот ты!
И ты!
Вы не враги!!!
Вы оба — люди!!!
Или просто
на людей похожи.
Хотя, конечно,
Я дал вам руки,
Дал вам ноги,
Дал вам мозг,
в конце концов, —
Но были вы
всего лишь
Обезьяны!
И, вижу я,
Людьми
Так и не стали.
Ваши дело!»

И тело
Господа
подёрнулось туманом.
Он растворился
И оставил трупы
Личным ходом гнить.
И вышло солнце —
Солнце новых грёз.
Оно легло на трупы,
Всё вдруг перемешалось;
Мечи расплавились
в варенье,
Кольчуги
растворились снегом,
А черепа
взлетели в небо,
И до сих пор
Они дырявят
Чёрный бархат
космоса-вселенной.
Измученные,
всем подразделеньем
Смакуют там
свои убийства, —
По части Мира —
нигилисты...

Говорите с друзьями!

Говорите с друзьями!

Я — с твоими,

ты — с моими.

Помнишь, огни зажигали? —

Томно тишь гнали, —

Я — твоими,

ты — моими

Глазами. Сохнут скрижали;

Друзья высохнут едва ли.

Говорите с друзьями!

Зайцы и волки

«Зайцы! Зайцы!!!» —
Вскричали мы,
И кинулись вслед,
И стали волками.

* * *

Крикни!
Звучи, как сияние дальних морей!
Крикни!
Беги по сплетенью лазоревых струй!
Дальше!
Всё дальше, смелее, как искра, как лань!
Дальше!
В стремлении ног твоих — сила моя!
Дерзко!
Танцуй без стыда на осколках вершин!
Дерзко!
Ты кошка, и когти экстазом остры!
Больно!
Дальше!
Лети!

* * *

Кто меня в грохоте боя
от стыда заслонит ладонью,
нежной дрожащей ладонью
Смело коснётся боли?
Кто до изорванной пасти
не побоится губами,
бледными тихо губами
Слов донести радость?
Буду ли я в опале —
заботливой кто рукою,
гордо поправит рукою
Латы кровавой стали?
Может быть, ты — Юная,
дашь мне зарыться в волосы,
светлые мягкие волосы,
В последний бой провожая?

* * *

Кто-то
когда-то
раскрасил облако, —
Кем-то
где-то
забыт, видимо, —
Какая-то
чья-то
прошла надменно, —
Я — барабанщик,
мне —
                    смешно.

Лист

Я тоже гулял когда-то —
Весь чёрный, по осени, —
Заглядывал в лица-оконца проходящие, —
И ныне заглядываю, —
Ищу краски пробуждения, —
Много их — в палитре солнечной, —
И ныне брожу, —
С сумкой, тёмный, —
Движение листьев шуршащих

во мне

неизбывно.

Листья

Что в разум,
листьями шурша,
влетело,
Чело морщинами
поглаживая
чуть,
Скользящей блёсткой
по щеке, —
знамение.
Что не уснуть.
Что долог путь.

Маргарита

Моя
    Маргарита...
                    Ах!

Соком
    умыта;
                    в ветрах
Треплются
    волосы;
Мох
Ей,
    как ковёр,
                    на асфальте

Пророс;
Пальцы
    обняли
Дымок
    стебелька
                    жёлтого,
Клевера
    четырёх-
                    листного.

Так
    и стоит
                    она:
Воздухом
    гладима,
                    пресная, —
На
    расстоянии
                    шага.

Я —
    не твой
                    Мастер.

Я —
    на секунду
                    отстал.

Стой,
    я слезой
                    на бетоне

Изображу
    твои
                    руки.

Маскарад

Цвет,
Суега,
Пироги и
Веселье,
Разные
Новые
лица,
И трель, —
Всё это
тонет —
Не терпится
слиться
Им в симбиоз
Разноцветных
пустышек.

Махасаматман

Сиддхартха,
где твой плащ?

Подайте
мне трезубец.

Три зуба
носишь в рукаве.

Откуда ты,
атман?

Миллениум

Зачем
ты распахнула
рубашки
нараспашку
и махнула
в гарем?

Тебя ль
увидеть
хотела
богема
родившей
метель?

Не поздно ли
кругом
вилять,
трепетать
срамом
в постели?

Ты взвинчена,
ввинчена,
в храме
без Ламы
венчана,
женщина.

Дура!
где брови,
что меткою
стрелкою
крови
нарезала?

Потеряла?
Забыла??
Сожгла???
Порвала???!
Утопила???!
Поборола???!!!

А может быть,
новые
шахты
под тракты
подземные
решила ты рыть?

Тогда — извини!
непросто,
я слышу,
две тыщи
по мосту
пройти.

Стол
в честь
накрыла?
позвала
сесть
в пол?..

Миф

Ветер по краю скользит.
Куда пропало дыханье?
Я сожмусь
и сведу пальцы —
хрустнут стыки век.
Овод-решётка сплетёт паутину.
Сколько под пылью воды?
Может, и было —
текла она круто
вниз по ступенькам...
но голос забыт...
Струны перебирают серебром.
Жутко. Где дети, там море —
целое поле
травы...
Сквозь зеркала,
сквозь пустые отражения...
Слышишь? —
там тихо поёт доброглаз.
Шшш! — он сказывает легенду:
Тонкою струйкой свирель...
Может, и было —
я тёк вдоль лужайки?
Нет! я с рожденья был сжат...
Ветер по краю скользит.

Мне больше не смешно

Мне больше не смешно.
Я словно в странном фильме
Последнее тепло
Ловлю на нервную ладонь.
Прозрачное стекло
Острее всякой мысли,
Когда бы ни текло
По венам чувство, как огонь.
Мне много тысяч лет.
Я задыхаюсь мраком.
И ласковый твой свет
Боюсь я снова не понять.
От страха я так зол.
Опять по старым ранам
Разбитое стекло
Стекает, прячась от стыда.
Наверно, ты одна.
Наверно, я в ловушке.
Прозрачного стекла
Ошмётки в судорожных пальцах.
Ядохну со стыда.
От боли откровенья.
Наверно, ты одна —
Наверно, ты — не для меня.

* * *

Мне не жалко листвы клетчатой
Из тетради моей терпеливой,
Чтобы строчку за строчкой вдумчиво
Рассказать тебе, что мучит.

Чтоб обитель тоски сводчатой
На мгновение хоть разделила.
А пропав паутиной сетчатой —
Не забыла, что лечит.

Мне не жалко оков кольчатых,
Что навек ты мне насулила,
Чтоб узнала мечты горьчатые —
Встать, уйти росами.

Мне не жалко стихов звончатых,
Чтобы пела их тихая лира.
Только жалко, что слово вечное
Падёт травой сорной.

* * *

Мне не о чем писать.
Я жду. Мышиный писк
В зубах. Раскрылись
Немощью глаза.
Юродив. Кос. И крив.
Судьба свернулась
Кольцевидно. А костоправ
Расправил ноздри.
Я нюхаю.
И смрад. И благовонье.
По воле выцветшего
Мужа режу крик...
П.р.и.с.л.у.ш.а.й.с.я...
Как. Много. Точек.

Молитва

Боже, тебе ли не стать моим дымом!
Коснуться чела моего нежно!
Столетий разгладить седины —
Что мне ещё от тебя нужно!

Только молиться стало стыдно!
Лучше вдыхать аромат горький!
Думаю — ты ли стал моим дымом,
Или это смех твой только!

Видишь — плечо налилось уж силой!
Пальцы податливый стан ласкали!
Боже, окропить бы водою талой
Веки из нержавеющей стали!

Что мне до чьих-то созвездий дело!
Стать бы мне ветром — резвиться в лентах!
Боже, стань моим дымом и пеплом!
Может, тогда помолюсь я смело!

Море Китая

Где море Китая?
Я слышу волны.
Я слышу рокот.
Я вижу чистые тонкие струи.
Где музыка?
Вот он — сакс Шао-Линя.
Вот она — флейта,
Флейта Китая.

* * *

*после просмотра фильма Ф. Озона
«Криминальные любовники»*

Некуда бежать.
Нервно дёрнулась цепь.
И холодный собачий оскал.
Поворот. И изгиб
её шеи желанием жить
Задрожал, не боясь.
Словно липкую грязь,
её пальцы с курка
чёрной болью смахнули слезу.
И курок напряжён.
Как стройна её злость,
Как в глазах не колеблется страсть.
И секунда спешит
Оборвать эту юную жизнь
За невинный порок.
Кто-то смог.
Кто-то, глядя в бесстрашие
Гордых девичьих зрачков,
Через боль,
Через сотни веков
Видя снова надменный тот взгляд,
Через боль,
Видя, как на ресницах её
Свой последний каприз исполняет любовь,
И не глядя ни вниз
и ни вверх, где последнее солнце её
Заиграло змейй в волосах,
Через страх,
Кто-то смог. И курок словно взмок.
Он в смертельных конвульсиях выпустил
Боль.
На губах её смело сверкнула стрела.
И мгновенье оргазма глаза обожгло.
Падение в пыль
Прервало наслажденья её красоты.
Наготу обнажил резкий ветра порыв.
Нервно дёрнулась цепь.
Вместо крика, её красота
Впивается в мозг раскалённым клеймом.
И — одна.
Некуда бежать.

Смерть её — жертва непонятой страсти.
Эхо слов её в отдаленье веков
Не проносится.
В ней не было слов.
Никогда.
Лишь собачий оскал
Мог понять её тела призыв.
Тем, кто жив,
Этой сладости горькой не ведать.
Её нет.
После дерзкой кровавой любви,
Её нет.
Нет.

Одиночество

Когда один
Идёшь по улице ночной
Дорогой прожитых седин —
Ты молодой.
Не одиночеством ты юн,
А откровенья пеленой,
Что скатертью ложится вновь,
Осенней лужей.
Кому-то где-то нужен —
Лови свой час!
Познай свой миг,
Когда дыханием одним
Ты безоружен!
И силён
Тем безоружьем...
Теперь не надо из песка
Сооружать стеклянные дома,
И в полумраке штор
Играть себя.
Тысячелетия пути
Лежат, как сна мотив,
Когда по улице ночной
Идёшь один.
Ты снова юн,
Старик,
Проснись!
Гляди —
Там —
Разгорается звезда,
И слышен тихий смех в ночи:
«Эй!
Ты снова юн!»
Молчи...
Твоя улыбка в тех словах.
Я улыбаюсь,
Словно страх
Пред жизнью
Мне неведом.
Ты пальцы
Запускаешь мне в седины.
Но я боюсь —
Ты —
Одиночества обман,

Боюсь,
Мне грезится звезда.
Я верю:
Ты смогла
Найти покой.
Я верю —
Ты со мной.
Я верю.
Ты —
Со мной.

Охотник

Я заблудился в лесах под Кеттари
Я заблудился в дремучих лесах под Кеттари
Я после стольких лет тяжёлых испытаний
Взял и так тупо заблудился в лесах под Кеттари

Я видно неудачный охотник
Я видно слегка неудачный охотник
И я бросаю ружьё из атласной ткани
И я до конца жизни буду ходить кругами

Я буду ходить кругами меж этих трёх сосен
Я до конца жизни буду бродить меж трёх сосен
И мне кажется больше ничего не надо
Ведь я создал это своими руками

А ты и сам не заметил как помер
А ты даже сам не заметил как помер
Ты просто лёг в кровать не выключив телевизор
Ты просто утром проснулся холодным

Потом ты долго смотрел в отраженье
Ты долго не мог признать своё отраженье
И кто-то тебе сказал что это случайность
И ты принял своё случайное поражение

Потом ты тоже бродил в лесах под Кеттари
Ты помнишь ты тоже бродил меж этих трёх сосен
И ты даже не понял что это
А это просто то что делает нас взрослыми

И все мы дети пластилиновой Атлантиды
Мы пластилиновые мальчики Атлантиды
И мы шагает пластилиновым строем
И мы шагает пластилиновым строем

По краешку ленточки

Я краешком глаза
видел узоры Байкала,
Силою ветра рождённые,
Прозрачным лекалом
и призрачным блеском алмаза.
Я краешком солнца
прошёл по горной тропинке,
Детским песочком усыпанной;
Весёлою льдинкой
чертил на уступах оконца.
Я краешком сердца
видел счастливую женщину,
Тихо сидела под облаком;
Я тайную дверцу
украсил резвящейся лентой.

Просто Настя

Взлетая
под самые облака,
Прорывая
серые тучи,
Лёгкий тонкий лучик
Ударялся о звёзды;
И, гася их
своим чистым сияньем,
Удалялся
За миллионы световых веков...
И лопались пузыри поролона...

Рассвет

Море гасло
в бездне утреннего сна...

Реквием

Я тонким
бензиновым запахом
тлею —
Мой дух
летит над
сухою землею;
Я влажности
отзвук; я гордостью
рею;
Как страшно
мне раствориться
в эфире!
Я сущность
извилин табачного
дыма —
Я пере-
          плетаюсь в бреду
пианино;
Сестра моя —
плачущая
Хиросима:
Как страшно
мне ставить свечу
её слёзам!
Я эхо
последнего женского
стога —
Я насквозь
всю сущность и дым
продираю;
Я рву
перепонки, мой реквием —
громом!..
Как страшно
себя осознать вдруг
машиной!

* * *

Руки ангела.
Крестный знак
В небе.
Слёзы господа
В пыль земли —
Дождь.
Из груди моей —
Мокрые
Стрелы.
На последнем
Берегу
Сплю.

О Сириэль, разбуди меня.
О Сириэль, разбуди.

* * *

Сколько ли будет
отрёкшихся от костра;
Той ли надеждой
укрыты молодые сердца;
Розовым венчиком
крапинки юных морщин;
Ветлистым кончиком
радуга-конюх Боршин;
Новые грозы
их лица покроют дождём;
Только на небе
ни облачка мимо волос;
Волосы пахнут
сансарой, а та — чернотой;
Только б не слышать
её голос лиловых роз;
Только б не видеть
её губ, искрящих атман;
Той ли надеждой
их скоро накроет туман;
Розы ветров
на плечах её свили капкан;
Там, в Лихолесье,
и сгинут молодые сердца...

* * *

Стань, сестра,
        в одном строю со мной!
Стройный твой
        пластины кроют стан.
Стань, сестра,
        плечо в плечо со мной!
Щит мой — твой,
        готовь же свой колчан!
Стань стрелой,
        жги, жги остро!
Меч мой — твой,
        моё плечо — твоё плечо!
Сталь блеска,
        взор твой — жар костров!
Зов суров!
        Стой! До капли стой!

* * *

Только бы сил вырваться
из оков этой чёртовой комнаты!
Только бы смел выругаться
на богов да на божьи похоти!
Только б спасти брата,
из огня его на́свет вынести!
Только бы взять, да вымести
по углам хло́пья чёрной копоти!
Только бы сил оскалиться
да покруче взмахнуть кистень!
Смелости хрен прибавится,
коли рыком не рыкнуть вовремя!
Только бы сил до хохота,
да поднять эту клетку на́смех!
Коли роптать ропотом —
не скакать на коне, да во́поле!
Только бы сил броситься
на коне под колёса танку!
Что-то в гортани просится
обложить эти стены матерно!
Только б успел затемно
безымянным сбежать полустанком!
Только б успел, Господи,
на ладонь твою пасть замертво.

Тот Берег

Эй, Тот Берег!
Почему ты всегда напротив?
Я против ветра свернулся,
Чтобы тебя коснуться,
Берег
    тот,
        эй!

Эй, Тот Берег!
Почему вокруг мало колосьев?
Я оделся в доспехи и латы,
Чтоб не заметить утраты,
Берег
    тот,
        эй!

Эй, Тот Берег!
Почему ты, как сфинксы, недвижим?
Я изорвал халаты,
Парчовые свить чтоб канаты,
Берег
    тот,
        эй!

Эй, Тот Берег!
Почему тебе глас мой неслышен?
Хочешь, вырежу из неба
С перилами мост к тебе я,
Берег
    тот,
        эй!

Ужом по стенке

Памяти В. Маяковского

Поздним вечером
Уж полз по стенке.
Задевая брюхом за гвозди,
Танцевал танцы цветов,
Пел ромашко-розовые песни.
Занозы
не давали встать.
Вдруг
страшная мысль
Пронеслась разрывною пулею —
Это мы
По стене ползём!

Хорошо

Позеленевшие окраины.

Окурки.

Куртки.

Бытодень.

Сплошная мутотень.

Дым пороха.

Убийство.

Ни пороха...

Хорошо!..

Цветы от победителя

Зачем сорвала цветок?
Коснуться тебя.
Зачем сорвала листок?
Укрыть тебя.
Зачем по полю развеяла?
Найти тебя.
И что потом?
Нашла.
Ты — счастлива?
....

Легла на землю тень —
Стало видно луч.
Он блестит росой, разливается.
Погрустнела ты?
Не казни себя.
Не устала ль ты?
Я же молода.
Разлюбила ты?
Не смеши, глазок.
Ты — счастлива?
...

А что кружится
Там — за облаком?
Это Господь Бог.
Он пришёл за кем?
Он пришёл ко мне —
Мне пора идти.
Ты — счастлива?
(лыбаётся):
Вот — твои цветы...

Чёрная зона Германа

Это — месяц хихикнул из-за горы.
Это — луч показал язык из-за тучи.
Это — корона слегка набок съехала.
Это — чёрная зона Германа.

Это — руки легли в заманчивую фигуру.
Это — шахматы нарушили обычный порядок.
Это — куст не стал рваться для веника.
Это — чёрная зона Германа.

Это — дерево развесило чуть влажные ветви.
Это — тряпки сплелись в подобие солнца.
Это — кто-то дремлет на краю осени.
Это — чёрная зона Германа.

Шли тропами лютые

Шли тропами, лютые;
Шли, по-волчьи скалясь;
Шли, глазья сощурив,
Под шеломами старясь;

Шли хрусткими сучьями,
Чуя гниль и падаль;
Шли, руки заломлены,
Шли на гнев да удаль;

Копьями острыми,
Шли, сверкая грозно;
Молчаливой поступью,
Щуря глазья грозами;

Шли тропами, лютые,
Скаля волчьи клычья;
Впереди один горел —
Один на всех закат.

Эльфы

Эльфы!

Ночные Духи!

Эльфы!

Ночные Духи!

«Слышим.

Ты станешь белым.

Слышим.

Ты будешь пленным».

Эльфы!

Ночные Духи!

Эльфы!

Ночные Духи!

«Слышим.

Коснись прибоя.

Слышим.

Коснись деревьев».

Эльфы!

Ночные Духи!

Эльфы!

Ночные Духи!

«Слышим.

Не бойся боя.

Слышим.

Бери от грома».

Эльфы!

Ночные Духи!

Эльфы!

Ночные Духи!

«Слышим.

Ты станешь белым.

Слышим.

Ты будешь первым».

Эльфы!..

Слышим.

Я продолжаю рвать мосты

Я забался быть один.
Моё перо опять остро.
Ложатся строки под перо —
Но я по-прежнему один.

Узнает только серый дым —
Шепчу молитвы в потолок.
Что за молитвы в потолок,
Узнает лишь тяжёлый дым.

Я жив дыханием одним.
Наполнил грудь душистый яд.
Я грудью полной принял яд —
И ядом горьким жив одним.

Я забался рвать мосты.
Померк последним вздохом свет.
Прости, что свет в глазах померк —
Я продолжаю рвать мосты.

Мокрое тело

Это потом он в первый раз в жизни вдохнёт затхлый земной воздух, понюхает, как звенят колокольчики его маленькой постельки, услышит, как пахнет материнское молоко; наннохавшись, растворится в своём первом сне, впервые улыбнётся, впервые поревёт на славу, впервые нарисует собственные живые картинки самых потайных и нескромных мечтаний.

Это потом, когда в окошке его комнаты взойдёт первое солнце, разлив первые стихи, он, наконец, поймёт, что жив, что думает и страдает, что тоже жаждет любви и, в чём не может себе признаться, ненависти, что может складывать песни, писать картины.

Он встанет и разглядит всё-таки свою мать, она покажется ему красивейшей в мире.

— Я люблю тебя! — говорит она, целуя его в лоб.

Но что это? Он отворачивается и начинает кричать!

— Ах, ты голоден, малыш мой, — и она обнажит свою великолепную грудь, кажется, неестественно переполненную питательным эликсиром, готовым накормить дитя, позволить сполна насладиться всем блаженством поглощения пищи.

И, насытившись, он опять заснёт, чтобы сквозь сон свой нестись стремительно дальше, туда — в будущее, жадными зрачками поглощая почти материальный интерес, всасывая вакуумом лёгких всё, что может только предложить этот симбиоз материи и времени.

Это потом он почему-то решит залезть на высоченную сосну и с наивным упорством начнёт свой изнуряющий путь по ней, по её корявому, сучковатому стволу, осыпающемуся трухой, мимо ветвей, прямых и косых, глядя выше во всё большей и большей степени на не выдержавшие и опавшие хвоинки, набивая себе шишки о шишки векового изваяния, создающего впечатление очень старого и мудрого дерева.

Луна будет светить ему напряжёнными ночами, звёзды — посылать, ещё и ещё, непрестанно, грёзы, и он будет жадно испивать их, но не забывать за ними реальность, а напротив, всё резче и резче, детальнее и детальнее, контрастней и многообразней воспринимать её, осознавать, соглашаться и не соглашаться с её законами, стремиться по-своему перекроить её материю. Он будет засыпать, но лишь для того, чтобы проснуться опять и продолжать свой путь. Он не будет обращать внимания на соловьиные пассажи, сыплющиеся всегда и отовсюду. Он будет занят более глобальными проблемами.

И вот он на вершине. На самой вершине той, казавшейся высоченной, а в действительности самой низенькой сосенки в этом нескончаемом лесу. И маленькая потом, но всезатмевающая сейчас гордость заливает его сердечко жгучей кислотой: победа! первая победа! Я МОГУ! я ТОЖЕ могу побеждать, я тоже ГЕРОЙ! Я ВЕЛИК!!!

И только тут, наверху, обдуваемый лёгким ветерком, нежно согретый светом напрямик с неба, он, наконец, оглядится, присядет на макушке и подивится солнечной позолоте, лунной серебрянке, бархату травы, изящной ни точке речушки, неприхотливости и любвеобилию птичьих мелодий. И сами

собой начнут складываться свободные рифмы; чистый невинный голос тут же сотворит из них песню, что пустится в пляс с ласточками, вплетётся в завитки-узоры стрижей, поиграет с салатowymi бабочками; а тонкие пальцы из травинок сплетут полотно, и пахучие соки цитрусов и ягод напишут на нём светлый пейзаж; и познает он, что есть красота искусства, и задрожит ото всей её мощи.

Это только потом, засмуцавшись немного вдруг улыбнувшимся просторам, запустит на секунду он пальцы в кудрявые волосы, а далее, подбоченясь, вздёрнет вверх подбородок и твёрдо заявит:

— Ну, и кто тот, что теперь, по-видимому, гордится отроком, сам ничего не достигнув, вознадеялся, что я продолжу его муравьиное дело!

Эй, а что это за тень сзади подбоченившейся фигуры? Да ведь это он и есть — отец; такой же кудрявый, чернобровый, широкоглазый, вот только маловат будет.

— Здравствуй, сынок, я вот к тебе.

— Иди-иди, куда шёл, чего отвлекаешь!

Это потом, спустя миллионы и триллионы лет, его назовут по имени, действительно назовут по имени, заслуженно назовут. И он, успокоившийся вроде, вроде добившийся чего-то, что действительно можно потрогать, облизать, прочувствовать, достигший верхней точки, умиротворённый осознанием сего, выйдет он в поле, такое всё бархатное, переливающееся разноцветными и разнопахнувшими травами, опустится на колени, аккуратно подымет какую-то неприметную палочку, усядется на неё; долго будет смотреть, думать о чём-то, вспоминать что-то, может, даже мечтать о чём-то; опять увидит совсем рядом свою мать, пропоёт ей: «Я люблю тебя, мама, женщина», — и поцелует в лоб. А потом припадёт на локоть, уляжется, уже не боясь запачкаться, так же аккуратно сорвёт какой-то жёлтенький цветок, прикоснётся осторожно к лепестку губами, прошепчет ему: «Лети, высоко лети, далеко, не бойся — я не боялся! Ты тоже будешь летать — я летал! Давай! Ты же свободен, ЛЕТИ!!!» — и с силой, но очень нежно, метнёт его к самому солнцу.

И цветок полетит.

А он ляжет и, наконец, заснёт, довольный, счастливый, летавший.

Это потом он сможет сказать, что да, что и он жил.

Ну, а сейчас он только родился...

На краю у осени

Они жили в осени. Осень была у них с рождения, сколько они могли себя помнить. В осени жили их отцы, деды, осень послужила им родильным домом. Осень была их Родиной.

Им было по шестнадцать лет серых дней, каждый из которых означал ещё одну сотню опавших листьев на влажном асфальте, ещё одну сотню грязных луж, покрытых жёлтой плёнкой, ещё двадцать четыре часа, проведённых в скуке, бессмысленности, бессмысленном поиске бессмысленного смысла этих дней, шестнадцать лет, заключающихся в сидении на месте и ожидании чего-то там, сам не знаешь, чего, не в состоянии понять, чего, и остаётся только восхищаться, тупо восхищаться игрой листка на холодном, пронизывающем ветру, слабым колебанием воды под ногами и причудливым узором ключев противного утреннего тумана.

И всё это они переживали вместе, собираясь небольшой компанией на заброшенной стройке. Каждый день они приходили в окружение косых стенок из потрескавшегося серого кирпича, разбросанных по грязному полу бутылок и окурков, гуляющего по недостроенным комнатам сквозняка, распарпанной гитары, слегка позеленевшей от времени, на которой ребята с вечно ломающимися голосами сопели слишком высокого для них, но почитаемого лишь за эту непостижимую высоту, Высоцкого.

*

...Грозовая туча приближалась. Она приближалась медленно, неумолимо, грузно, как танк, в её глубине рождались разряды, пока ещё слабые, но усиливающиеся в геометрической прогрессии. Она несла белый снег...

*

Человек был весь в чёрном. Ветер обтекал его белоснежное лицо и трепал длинные чёрные волосы, залезал под чёрный шарф, спускался ниже, гладил складки чёрного плаща, обволакивал чёрные парусиновые штаны, заплетался в шнурках чёрных высоких ботинок и, наконец, терялся в листьях под его мощными подошвами.

Он долго стоял и просто наблюдал за ними, никуда не спеша. Они долго не замечали его.

Они, как всегда, просто сидели, перекидывались редкими скупыми фразами, слушали плохо настроенную гитару, курили.

Первым чёрного человека увидел невысокий мальчик с веснушками. Он толкнул локтем рядом сидящего русого парня и указал рукой в сторону, где только что стоял чёрный человек; но тот уже поднимался к компании, на ходу приобретая облик шестнадцатилетнего юноши. Поднявшись, он обвёл всех неторопливым изучающим взглядом и уставился на русого, хотя трудно было судить о точке приложения его внимания, ибо глаза его были скрыты за тёмными очками.

— Чего надо? — произнёс, наконец, русский парень, которого, кстати, звали Белым, не с раздражением, а скорее, с высокомерным интересом.

Странный пришелец медленно сел, опершись о стенку, достал сигарету, закурил не спеша.

— Пришёл предупредить.

— О чём? — Белого явно забавляло общение с таким странным субъектом, уж так мало происходило в их мире.

— Скоро зима.

На лице Белого появились едва заметные оттенки замешательства и живого интереса.

— Зима — это совершенно новое состояние природы и души. Не всем оно понравится, но большинство подсознательно давно уже ждёт её. Всё зависит от того, насколько ты привык к своей среде, насколько жаждешь перемен, стремишься ли куда-нибудь. Во всяком случае, зимой мы — то есть, вы — все умрете и родитесь снова, но жизнь ваша не будет уже похожа ни на что, с чем вам приходилось сталкиваться раньше, это будет намного выше и глубже — вы впадёте в великое НИЧТО. Вы даже не можете представить, какое это блаженство — НИЧТО! Не будет войн, лжи, предательства, мук, не будет ничего. И это надвигается неумолимо!

Воцарилась мёртвая тишина, все смотрели на чёрного человека.

Вдруг один паренёк истерически захихикал, за ним девушка, другая, а потом уж и вся компания залилась громким хохотом. Только Белый сохранил серьёзное выражение лица, не считая повеселевших глаз.

— Знаешь, лично мне и осенью хорошо. Ты, конечно, парень со странностями, но можешь приходить, судя по всему, твои проповеди, ха, весьма оживляюще действуют на моих младших братьев и сестёр.

— Я приду. Я должен рассказать, что вас ждёт. Не важно, поверите ли вы хоть одному слову, главное, что зима всё равно скоро придёт.

— Ну, посмотрим. Ха...

*

...Туча налилась свинцом. Она шла уже так низко, что верхушки высоких травинок заледеневали, а редкие дикие кошки с ужасом уносились прочь, бешено крича о надвигающемся новом мире...

*

Павлик, как всегда, тихо посапывал на «чукотке». Ему не было дела до всех этих синусов и косинусов, он смотрел красивые сказки.

Вот он нежится в роскошной ванной, белая нежная пена щекочет его стройное загорелое тело, тихо и мягко поёт Жанна Агузарова, и вот она уже не в динамиках папиного «Артека», а рядом с ним — лежит, обнажённая и прекрасная, любовно поглаживая его грудь, мощные плечи, плоский накаченный живот, спускается ниже, начинает ласкать уже грубо, профессионально... вдруг становится леденяще холодно, Павлик опускает глаза и видит вме-

сто пены мертвенно-голубоватый снег, и нет уж никакой Жанны Агузаровой, и только одно слово, одна мысль слышна в сознании — зима... Зима... Зима... ЗИМа... ЗИМА!!!

— Павлик, что с тобой?!

Павлик резко очнулся, вздёрнул голову, которая тут же страшно закружилась и затрепала, а спина облилась холодным обжигающим потом.

— Извините, мне что-то нехорошо, — выдавил он с трудом. — Я пойду, наверное...

*

— Нет, нет, нет! Нет, нет и нет!

Катя всё никак не могла отделаться от ощущения, преследующего её с самой школы. Ей вот уже битый час мерещилось, что вместо привычного грязного дождя ей на поднятые в изумлении ладони падают ватные хлопья, падают и тут же тают, превращаясь в капли, но не дождевые, а чистые, слишком чистые и слишком прозрачные, до неприятного, до рези в мозгу, до свиста ненастроенного приёмника в ушах, и, плюс ко всему, ещё и совершенно не пахнущие, они просто никакие, они пришельцы из непостижимого и невероятного, но величественного НИЧТО.

— Нет, нет, нет, нет, нет...

Она ходила кругами, бессмысленно взирая в лица случайных прохожих, но они не могли ей помочь, они не видели того ужаса, который видела она.

— Нет, нет, нет и нет!!!

И лишь найдя, наконец, сквозь полубред свой дом, она немного успокоилась, отдышалась, постаралась трезво взглянуть на осенний мир вокруг и сумела прогнать видение.

— НЕТ!!! — воскликнула Катя с торжеством. Но странный осадок остался на душе — слабое ощущение ожидания, томительного ожидания чего-то, чего совсем не ждёшь...

*

Миша включил телевизор, чтобы посмотреть очередное соревнование по баскетболу осеннего сезона, но тот явно не работал — вместо людей по экрану бегали чёрные, серые и белые пятнышки, издавая жуткое шипение, и что-то кошмарное было в этом зрелище. Он попробовал покрутить настройку, слабо надеясь, что просто она сбилась, но везде видел одно и то же. Шестнадцатилетний мальчик тихо застонал.

— Миша, что стряслось? — в комнату прискакала испуганная мать, видно, тринадцатым материнским чувством почувствовала неладное.

— Мам, там СНЕГ...

*

...Туча приближалась к городу. Ни один человек не заметил этого пятна ада (а может, рая?), все смотрели себе под ноги. Но ей было наплевать, она уже зарождала в недрах своей потусторонней фабрики тяжёлые капли, и они строились в ровные ряды, готовые в любую минуту наступать и уничтожать...

*

На следующий день они, как и всегда, собрались на стройке, чтобы вместе провести ещё один скучный осенний день, вместе порадоваться серому дождю, попеть непонятного Высоцкого.

В этот раз их общение не было таким уж скучным — на этот раз им было о чём посплетничать, ведь накануне у каждого случилось что-то из рук вон неправильное, невозможно необычное.

— ...сон... оборвал... сладкие... снег... плохо...

— ...совершенно белый!.. не дождь... до дома...

— ...не работал... чёрно-белые... покров...

— ...зимний... говорил тот, чёрный... вдруг?..

— ...предупредил... хлопья... нет кошек... холодно... будет прав...

Белый молча сидел и слушал разговоры. Он долго не мог поверить, что чёрный человек так сильно повлиял на его тусовку, что они уже даже стали подумывать: а вдруг зима и вправду будет?

— Белый, — отвлёк его веснушчатый мальчик, — а вдруг зима и вправду будет, а?

— Ты что это, мм?!. Ты что, это же ерундистика какая-то!

— Ну, а вдруг? — И мальчик погрузился в собственные грёзы.

И тут как раз появился тот самый странный тип — весь в чёрном и как бы без глаз.

— О! Явился, — каркнул Белый, и глаза его заблестели.

Чёрный человек молча шёл у белой стены. Все пристально глядели на него. Наверное, каждый думал об одном; думал, возможно ли, что придёт зима, кто этот странный парень, как будто вышедший из ночи, из мёрзлого, ледяного Ада, из вселенского НИЧТО.

— На, пой, — сказал Белый и протянул чёрному гитару.

— Как скажешь, — лицо его, впрочем, как и голос, казалось, не выражали никакого чувства, лишь полное безразличие к судьбе этих людей.

И он запел.

*Мохом белым покрывало,
На запятнанной судьбе —
Как осенним листопадом
Шелушится на носке,*

*Убирая с глаз удушье,
Разбивает пустотой —
Это новая погибель
Для погибшей и грудной...*

Никто не сделал ни малейшего движения, не произнёс ни звука во время пения, и после все сидели, как в трансе. Лишь Белый невозмутимо принял в свою очередь гитару и вроде как ответил:

*В сон мне — жёлтые огни,
И хриплю во сне я:
«Повремени, повремени —
Утро мудренее!»*

*Но и утром всё не так,
Нет того веселья:
Или куришь натошак,
Или пьёшь с похмелья.*

*

...Туча, крадучись, достигла-таки города. Она резко взлетела на недостижимую высоту и стала делиться. Тут и там отпочковывались от неё маленькие клочки и, тихо спускаясь, приставали каждый к своему человеку, неважно, кем был этот случайный прохожий. Они несли в себе армии белой смерти...

*

Тридцать три километра. Тридцать три километра лежало между домом Андрея и его дачей. Электричка, как водится, не ходила, но факт этот нисколько не расстраивал его, все давно привыкли. Андрей тащил тяжёлые сумки по ржавым рельсам и гнилым шпалам. Вдруг он почувствовал острый холод, но тут же решил, что ему просто почудилось. Однако галлюцинация повторилась, и в этот раз Андрей от неожиданности споткнулся о шпалу и больно ушиб колено. Поднявшись, он забубнил весёлую песенку и пошёл дальше. Не тут-то было — всё повторилось снова и повторялось все тридцать три километра...

В момент, когда Андрея в первый раз настиг тот призрачный холод, Белый сидел в кресле перед телевизором. Галлюцинация не обошла стороной и его, но он сразу сказал себе: «Этого не может быть!» — и ничто его больше не тревожило...

*

Мэри вернулась со школы. Заперев за собой дверь, она прислонилась к косяку. Её сознание помутилось, и она увидела страшную грёзу: по-кошачьему элегантно и слегка распушенной походкой мягко шествует она к нему, к загадочному чёрному человеку, она леди, она само воплощение красоты, она становится перед ним, широко раздвинув ноги в чёрных полупрозрачных колготках и короткой кокетливой юбке, она молниеносно срывает с него тёмные очки, и...

— Ах! — Мэри сбросила сумку и выбежала из дому. Она неслась к тому парку, что привиделся ей в грёзе.

Он был там. Мэри захлебнулась свежим, слишком свежим воздухом, идущим с его стороны. Она убавила шаг, медленно подошла.

Долго не могла решиться бедная девочка сказать хоть слово.

— Можно снять твои очки? — спросила она дрожащим и восторженно-испуганным голосом.

Он повернулся к ней и долго смотрел в её сторону. Спустя вечность, он, не спеша и уверенно, поднял палец и притронулся к девушке.

Мэри пустила мелкую слезу и слабыми пальцами стала снимать очки. И в момент, когда казалось, что вот-вот покажутся его таинственные глаза, она не выдержала, отвернулась и бросилась прочь.

Она бежала с фантастической скоростью, не видя и не пытаясь понять — куда, бежала мимо незнакомых домов незнакомых улиц, бежала мимо удивлённых прохожих, мчалась куда-то, куда-то, где было что-то, что она не могла понять физически. Неожиданно она споткнулась и упала замертво...

*

...Материнская туча грузно опустилась на город, защекотала его крыши, увлажнила его антенны, создавая помехи, не давая людям насладиться комфортом телепрограмм даже перед смертью, неумолимо застилая блестящее солнце...

*

— ...Мэри нет...

— ...Сердце не выдержало...

— ...Зря курила...

— ...Увезли...

— ...Мать пропала...

— ...Может быть, Он...

Накануне у каждого из тусовки произошло нечто, что одним своим существованием могло подтвердить слова чёрного человека, а когда они узнали, что случилось с Мэри, это послужило последней каплей, в их душах не осталось никаких сомнений, но лишь страх и необъяснимая животная ненависть.

Человек в чёрном появился, как и следовало ожидать, внезапно и ниоткуда. Он опять стоял, высокий, стройный, открытый и в то же время невидимый, неуместный, как чёрная клякса на красивом жёлто-оранжевом полотне, и в то же время такой естественный, как будто только его и не хватало миру все эти годы.

Толпа окружила пришельца.

— Это ты убил Мэри?! — скорее констатировали, чем спрашивали они.

— Её убила зима, — констатировал он в ответ.

— ?

— Вы не увидите зиму одновременно, каждому она предстанет в облике, присутствии именно вам, каждый из вас ступит на снег в момент, присутствующий именно вам. У каждого будет своё маленькое ничто из всеобщего НИЧТО.

— Ты что мелешь?! — разозлился Белый.

— А он, по-моему, прав, — промямлил веснушчатый мальчик. — Ну, мне почему-то кажется, что он прав, я почему-то уверен...

— Заткнись, я — нет!

Все молча отошли, укрывшись за грязными стенами из полурассыпанного кирпича. На жёлтом полотне остались только белое и чёрное пятна.

— Я уйду. Моя миссия продолжается, я должен каждого предупредить о том, что с ним произойдёт. Вы знаете. Дальше действуйте, как считаете нужным.

Белый ничего не ответил, только молча пожал ему руку, ни звуком не выдав, как обожгла она его своим ледяным холодом.

Он твёрдо развернулся и зашагал к остальным, не увидев, как чёрный человек двинулся в обратном направлении, растаяв в тени ближайшего дерева.

— Он ушёл.

— Он больше не вернётся?

— Нет.

— ...

Сидели молча, даже гитара не позванивала, несмотря на сквозняк, настырно пытавшийся её развеселить.

Каждый думал об одном и том же — боролся со своим здравым рассудком против ожидания неминуемой смерти. Здравый рассудок оказался очень слаб.

— Белый, как ты думаешь, что такое НИЧТО?

— Болван! ДА НЕТ НИКАКОГО НИЧТО!!! Это же всё сказки! Паутина в твоём телевизоре из-за того, что транзисторы сгорели, снег вам везде мерещится, потому что насмотрелись по ящику всякого дерьма, Мэри умерла, потому что сердце у неё слабое, а она курила! Это что, так сложно, НЕ РАЗВЕШИВАТЬ УШИ ПЕРЕД КАЖДЫМ ИДИОТОМ!!!

Никто не ответил. Внутренняя борьба перешла в новую стадию — здравый рассудок резко набирал силы, и теперь давил, втаптывал в землю ожидание, стирал его, выгрызал, обливал помоями, презирал, ненавидел, наконец, затоптав, игнорировал...

Не сговариваясь, они одновременно встали и, безмятежные, побрели по домам, уверенные уже, что завтра, как обычно, встанут с утра, отскачают школу и придут сюда — доскучивать остаток серого дня под непостижимого Высоцкого...

*

...Туча отдала приказ идти в наступление. Заработали матёрые механизмы, затрещали многотонные шестерни, заскрипели колоссальные рычаги, посылая струи тени маленьким тучкам — детям и солдатам огромной материнской тучищи. Приняв сигнал, они выпустили-таки полчища своих тяжёлых капель, которые, вырвавшись, тут же заледеневали, превращаясь в пушистые и колючие хлопья ледяного яда...

*

...Город укрывал холодный белый снег...

Парадокс

А здесь была осень.

Он шёл по бульвару, просто так, смотрел на листья, не успевшие ещё опасть и теперь мучающиеся, дрожа на холодном ветру. «Не повезло», — подумалось вдруг...

У него не было паспорта, у него не было денег, не было семьи, детей, у него не было ничего, что у нас называют странным словом «благополучие». Но губы его улыбались, хотя глаза смотрели печально.

Мелкая мокрая пыль хлестала его лицо. Это не был дождь. Вернее, ему так не казалось. Это были воспоминания.

В спину дул пронизывающий ветер. Его потоки больно сочились сквозь тело, оставляя желчь. Потом ветер сталкивался с воспоминаниями, образуя воронки, а затем смерчи, грозящие засосать в бездну забвения.

Мимо проплывали серые дома, щиты рекламы неестественно светили неонами, из очередного окна доносились звуки старинной музыки...

Он завернул за угол. Это было трудно сделать, перебороть соблазн идти известным, проторенным путём. Но оставалась надежда, надежда на будущее, это необъяснимое, не поддающееся логике явление человеческого разума. Этот парадокс.

За углом оказался тупик.

Он присел на ящик возле мусорки, не обратив внимания на то, что в ящике гнилые яблоки, оставленные кем-то, кого он не встретит, и задумался.

Сверху проплывали облака, надвигались сумерки, а он всё сидел и думал, потому что лучшего занятия у него не было. Да и не надо. Ему некуда было идти, он сидел на ящике, как мы сидим в кресле у камина, наслаждаясь запахом книг, ковров, теплом стен, жены, детей, вкусом заботы о близком. Он питался запахом гнили.

Он задремал...

Осень прошла.

Наступила зима. Декабрь.

Мимо пробегали люди, суetyющиеся в преддверии бессмысленного праздника, тратили самые большие деньги, чтобы доставить минутное удовольствие, уподобляясь животным в магазинах, растениям на улице, они не видели его.

А ночью оставался лишь снег и холодные звёзды, никому не нужные, лишние здесь, где все смотрят лишь на концы своих сапог.

...Он открыл глаза и заметил кругом лужи. «Весна», — подумалось вдруг.

Он встал и пошёл, не зная, куда; ему было трудно встать с гнилых яблок, ведь они были насижены и хорошо знакомы. Но надежда ещё теплилась.

И в надежде он рискнул заглянуть за следующий угол.

Но в глубине души ему было известно, что ждёт его там.

За углом был тупик...